

КАК ВОЕННОПЛЕННЫЕ В РОССИИ ПРАЗДНОВАЛИ 1 МАЯ 1917 г.

В. Р. КОПЫЛОВ

Первомай 1917 г. в России характерен не только тем, что впервые был проведен в легальных условиях, но и тем, что в праздновании дня международной солидарности трудящихся участвовали рабочие-военнопленные из стран Четверного союза. В литературе о революционном движении военнопленных в период подготовки социалистической революции это участие освещается лишь отдельными фактами¹. Между тем оно было массовым явлением, характерным для многих районов страны.

В России к Февральской революции находилось около 1,9—2 млн. военнопленных центральных держав. Они явились источником дешевой рабочей силы для казны, помещиков и капиталистов. Военнопленные жили и работали в условиях тюремно-лагерного режима, почти ничего не получая за свой труд. Передовые элементы из их среды включились в революционное движение, участвуя в забастовках и стачках. В Макеевке, Томске, Чите и других местах военнопленные — левые социал-демократы стали объединяться в подпольные кружки и группы, устанавливать связи с большевиками, знакомиться с ленинской программой по вопросам войны, мира и революции.

Широкие массы военнопленных приветствовали свержение самодержавия. В некоторых местах революционно настроенные военнопленные участвовали в народных выступлениях в февральские дни 1917 г. Уничтожение жандармерии и полиции, создание Советов рабочих и солдатских депутатов привело к ослаблению тюремного режима, в особенности для военнопленных, работавших на промышленных предприятиях. Так, 8 марта Главное управление Генерального штаба (ГУГШ) с тревогой констатировало: «Поступают сведения о том, что на многих предприятиях, не исключая и работавших на оборону, насилием толпы производится разоружение стражи, окарауливающей военнопленных, находящихся на работах»². Временное правительство из многих мест получало сообщения о волнениях военнопленных. «С упразднением бывшей полиции, пленные из повиновения вышли,— жаловался 4 апреля в Министерство внутренних дел помещик Демин из Саратовской губернии,— уходят самовольно, бросают работы, требуют увеличения заработной платы». О подобных явлениях информировал Военное министерство и Евпаторийский комитет общественной безопасности, отметив при этом, что волнения военнопленных вызваны «очевидно, превратным пониманием ими нового российского строя»³.

Военнопленные считали, что со свержением самодержавия в России должно измениться и их положение. Они направляли по этому вопросу ходатайства в различные учреждения и организации, редакции газет, в Советы. В частности, группа военнопленных-венгров обратилась в апреле в Петроградский Совет с просьбой не оставлять их под стражей. Более того, революционные военнопленные ходатайствовали о разрешении

¹ См.: А. М. Лисецкий. Из истории пролетарского интернационализма (участие иностранцев в революционной борьбе трудящихся России в период подготовки Великой Октябрьской социалистической революции). «Труды» Харьковского политехнического ин-та им. В. И. Ленина, т. 42, вып. II, 1961; М. П. Хильченко. Интернационалисты на Урале (1917—1918 гг.). «Из истории партийных организаций Урала», Свердловск, 1962; Н. А. Попов. Революционные выступления военнопленных в России в годы первой мировой войны. «Вопросы истории», 1963, № 2; С. Штригниц. Из истории революционного движения среди немецких военнопленных в России накануне Октябрьской революции. «Интернационалисты в боях за власть Советов», М., 1965, и др.

² ЦГАОР СССР, ф. Р-406, оп. 2, д. 544, л. 6—7.

³ Там же, л. 22, 25.

заниматься политической деятельностью. Например, немецкие военнопленные социал-демократы, работавшие в Новгородской губернии на Борковских торфоразработках, сообщив в письме к социал-демократической фракции Государственной думы о том, что они с большим вниманием следят за развитием революционных событий в России, просили оказать содействие в доставке газет, писали о намерении вести агитационную работу среди своих товарищей в интересах международного пролетариата. Военнопленные социал-демократы из Ачинского лагеря, отметив в письме в Красноярскую организацию РСДРП, что они подвергаются нападкам со стороны шовинистов, «которые винят нас за наше братание с русским народом», выражали желание «работать для великого дела свободы»⁴. Военнопленные начали участвовать в митингах и демонстрациях. Горнопромышленники Кривого Рога оценили это как прямое присоединение военнопленных «к теперешнему политическому и социальному движению в нашем отечестве»⁵.

Обращения, с которыми выступали военнопленные, находили поддержку у большевистской партии. Так, газета московских большевиков призвала трудящихся выступить с требованием о распространении законодательства об охране труда на «ввозных рабочих» и военнопленных, указав, что в будущем они «станут товарищами по борьбе»⁶. В конце марта Русское бюро РСДРП(б) предложило Исполкому Петроградского Совета немедленно приступить к расследованию и принять меры к улучшению положения военнопленных в России. «Подобная мера, — указывалось в обращении, — направленная к облегчению участи военнопленных, явилась бы достаточным шагом новой демократической России, покончившей с варварскими традициями России времен царского самодержавия, и перед лицом всего мира показала бы пример высокой человечности, на которую способна только революционная рабочая и крестьянская демократия»⁷.

Однако и Временное правительство и поддерживавшие его оборонцы — меньшевики и эсеры, стремились сохранить в лагерях порядки, существовавшие до Февральской революции. 8 и 10 марта ГУГШ от имени военного министра Гучкова потребовало от командующих военными округами восстановить вооруженную охрану военнопленных там, где она была упразднена. 30 марта с таким же циркулярным предписанием к губернским комиссарам обратилось Министерство внутренних дел. Одновременно в ответ на запрос Исполкома Петроградского Совета от 28 марта о возможности предоставления военнопленным некоторых прав со стороны ГУГШ 4 апреля последовало «разъяснение» о том, что «предоставленная военным служащим свобода собраний, безусловно, не распространяется на военнопленных чинов неприятельских армий, так как они не являются полноправными гражданами России, а ее пленниками...»⁸. Затем 9 апреля последовал приказ военного министра Гучкова. Отметив, что военнопленные обращаются к Временному правительству и к различным организациям с ходатайствами об изменении своего положения — о свободе передвижения, собраний, организаций, — Гучков указывал, что эти требования «противоречат самому понятию состояния плена», и предлагал довести до сведения военнопленных всю «невыполнимость их стремления» и потребовать от них «беспрекословного повиновения»⁹.

⁴ «Красноярский рабочий», 9 апреля 1917 г.

⁵ См. Н. А. Попов. Указ. соч., стр. 81—82.

⁶ «Социал-демократ», Москва, 8 марта 1917 г.

⁷ «Правда», 3 июня 1917 г.

⁸ ЦГАОР СССР, ф. Р-1235, оп. 78, д. 84, л. 4.

⁹ См.: А. Клеванский. Военнопленные центральных держав в царской и революционной России (1914—1918 гг.) «Интернационалисты в боях за власть Советов», стр. 37.

Тем временем по всей стране шла подготовка к празднованию дня международной солидарности. Петроградский Совет постановил провести празднование по новому стилю — 18 апреля. Это решение было поддержано большинством местных Советов. Вопрос обсуждался в комитетах РСДРП(б), профсоюзах и других рабочих организациях. Начались программы демонстраций, митингов, определялись лозунги. В основу призывов большевиков легли «Апрельские тезисы» В. И. Ленина, в том числе и о братании на фронте. Осуществлением этого лозунга в тылу явилось участие военнопленных в Первомайском празднике.

Так, участие в праздновании было обсуждено на митинге военнопленных в Ростове-на-Дону, созданном левыми социал-демократами в помещении Совета рабочих депутатов. Собрались венгры, поляки, немцы, чехи, румыны, хорваты, итальянцы, турки и др. Революционеры от каждой национальности призывали своих товарищей присоединиться в день 1 Мая к российскому пролетариату. Например, немецкий военнопленный Линцер говорил, что у пролетариев одни интересы и цели, поэтому необходимо единение всех трудящихся без различия национальностей в борьбе с капиталистическим строем. Призывы были встречены с горячим одобрением со стороны военнопленных. То же наблюдалось и в других местах. О своем желании участвовать в Первомайском празднике заявили местному Совету около 5 тыс. военнопленных, работавших в Александрo-Грушевском районе Донбасса¹⁰.

9 апреля Красноярская организация РСДРП обсудила доклад большевика Н. Л. Мещерякова о подготовке к празднованию 1 Мая и утвердила лозунги, в том числе и о «братании пролетариев в окопах». Участвовавший в работе собрания интернационалист Я. Ф. Дубровинский сообщил о просьбе военнопленных социал-демократов из Красноярского лагеря (около 200 чел.) разрешить им принять участие в городской демонстрации. Это сообщение было встречено аплодисментами членов организации¹¹. С подобными просьбами обращались к комитетам РСДРП(б) военнопленные, работавшие в Уфимской губернии на Саткинском заводе. Уфимский комитет РСДРП(б) принял решение пригласить военнопленных на празднование 1 Мая в Уфе¹².

Екатеринбургский Совет обсудил вопрос об участии военнопленных в первомайской демонстрации и выпустил воззвание к военнопленным с призывом отметить праздник международной солидарности. Состоявшаяся 14—15 апреля 1-я Уральская конференция РСДРП(б) в резолюции о 1 Мая предложила местным организациям привлечь к участию в празднике военнопленных. «Конференция считает, — указывалось в резолюции — участие рабочих-военнопленных в первомайском празднестве безусловно желательным и предлагает организациям на местах принять меры, чтобы таковое участие имело место повсюду»¹³.

Эти решения со злобой были встречены шовинистами и оборонцами. Так, под их давлением комитет запасного 124-го полка в Екатеринбурге направил в Исполком Совета заявление, в котором участие военнопленных в демонстрации назвал недопустимым. С таким же заявлением выступил и комитет 126-го полка. Заявления были рассмотрены 17 апреля в солдатской секции Екатеринбургского Совета. Выяснилось, что они не выражали мнения большинства солдат и революционно настроенных офицеров. Член комитета 124-го полка прапорщик Попов, сообщив, что не весь комитет поддерживает заявление, высказался за выполнение резолюции Уральской конференции РСДРП(б). Его поддержали члены солдатской секции Андроников, Васинский, Анучин и др. Солдат Орлов заметил, что те, кто выступает против участия военнопленных в

¹⁰ ЦГАОР СССР, ф. р-406, оп. 2, д. 382, л. 171.

¹¹ «Красноярский рабочий», 12 апреля 1917 г.

¹² «Вперед», Уфа, 26 апреля 1917 г.

¹³ См.: М. П. Хильченко. Указ. соч., стр. 10.

праздновании 1 Мая, тем самым пытаются разобщить рабочих и солдат. На заседании секции выступили большевики Л. С. Сосновский и др., разоблачившие маневры врагов пролетарской солидарности. Большинством голосов солдатская секция приняла резолюцию, в которой осудила выступления против решения Екатеринбургского Совета о приглашении военнопленных на первомайскую демонстрацию¹⁴.

Милитаристы и социал-шовинисты из среды военнопленных также пытались отговорить солдат от участия в праздновании дня 1 Мая в России, угрожали им всяческими карами. Тем не менее во многих городах страны тысячи революционно настроенных военнопленных активно включились в первомайские митинги и демонстрации.

Торжественно отметили народы революционной России праздник первомайской солидарности. В демонстрациях и митингах, состоявшихся по всей стране, участвовали сотни тысяч трудящихся. Демонстранты шли с лозунгами мира и братства между народами. В манифестациях в Москве, длившихся до 4 часов дня, участвовало около 150 тыс. человек. Состоялись митинги в районах, в том числе в Петровском парке. У Бутырской заставы к москвичам присоединилось около 800 военнопленных, работавших во Владыкинских железнодорожных мастерских. С трибуны митинга раздавались пламенные речи на русском, польском, чешском и венгерском языках. Военнопленные говорили, что после возвращения на родину они последуют революционному примеру России¹⁵.

Особенно заметным участие военнопленных в первомайском празднике было в Подмоскowie — в Богородске, Мытищах, Орехово-Зуеве, Раменском, Гусь-Хрустальном и др. городах и рабочих поселках. Вместе с рабочими из Болшево и Тарасовки военнопленные влились в демонстрацию рабочих Мытищинского вагоноремонтного завода. Вечером в Народном доме в Мытищах состоялся большой митинг, на котором выступали также представители трудящихся из Польши и Германии. Участники митинга единодушно приняли приветственную телеграмму на имя В. И. Ленина. Аплодисментами были встречены ораторы от военнопленных на митинге в Раменском. Навстречу демонстрации в Гусь-Хрустальном вышло около 350 рабочих-военнопленных. Когда они подошли, демонстранты остановились, расступились по обе стороны дороги и пропустили военнопленных. Представитель военнопленных поздравил русских рабочих с праздником и от имени своих товарищей обратился с просьбой отметить его совместно. С ответным словом выступил рабочий-большевик, который приветствовал желание военнопленных. А из их рядов вверх взметнулся флаг с изображением двух рабочих рук в братском пожатии и надписью: «Да здравствует Интернационал! Братство народов!» Со всеми рабочими праздновали 1 Мая и военнопленные, работавшие на Большой Глуховской мануфактуре. Затем в знак солидарности они передали в фонд Глуховского комитета РСДРП(б) 128 руб. 63 коп. В сообщении в Москву комитет писал, что «приветствует товарищей-рабочих австрийцев и немцев и протягивает им дружескую мозолистую руку»¹⁶.

Военнопленные активно участвовали в первомайских демонстрациях и митингах в Ярославле, Пензе, Царицыне, Киеве, Харькове и других городах России. Так, в демонстрации в Ростове-на-Дону приняло участие около 2000 военнопленных. Перед десятками тысяч трудящихся Иваново-Вознесенска, собравшихся на первомайский митинг, после большевиков Ф. Н. Самойлова и др., выступали венгерские военнопленные социал-демократы, среди них К. Лигети. Они с гневом говорили

¹⁴ «Борьба», Екатеринбург, 25 апреля 1917 г.

¹⁵ «Пролетарий», Москва, 27 апреля 1917 г.

¹⁶ «Социал-демократ», Москва, 20 и 28 апреля 1917 г.

о войне и заверили, что лозунг революционной России «Да здравствует мир и братство народов!» есть и их лозунг. Пламенные призывы к солидарности были здесь же, на трибуне, скреплены товарищеским рукопожатием венгерского революционера и русского большевика, встречены бурными аплодисментами¹⁷. Символом нерушимости их пролетарской солидарности явилось участие рабочих-военнопленных в праздновании в Ярославле. 22 апреля их представитель на заседании Ярославского Совета рабочих депутатов, обращаясь к членам Совета, сказал: «Дорогие русские братья! Мы немецкие и австрийские военнопленные выражаем вам от всего сердца нашу симпатию и мы желаем вам полного успеха в ваших делах»¹⁸. Свою речь он закончил призывом к борьбе против войны, к единению пролетариев всех стран.

С лозунгами «Солидарность и мир!», «Мир и социализм!» вышли на Верх-Исетскую площадь демонстранты в Екатеринбурге. Впереди шел знаменосец в красной одежде, за ним — рабочие заводов, солдаты гарнизона, железнодорожники, военнопленные, рабочие электростанций. Сообщая о празднестве, газета большевиков отмечала, что участие военнопленных в демонстрации было встречено с сочувствием¹⁹. Такие же демонстрации состоялись на всем трудовом Урале — в Сатке, Ижевске, Златоусте и др. местах. На митинге рабочих Аша-Балашовского завода с участием военнопленных выступил председатель Совета рабочих депутатов большевик Туманов. Он сказал, что на празднике «братались люди с Востока и Запада, еще вчера брошенные рукою капитала в смертельную битву друг с другом»²⁰.

На Соборной площади Томска на праздничном митинге выступили представители революционных военнопленных, в их числе Бела Кун. Они говорили, что война не разрушила единения между рабочими, что военнопленные вместе с великим народом России пойдут на борьбу с врагами всего мира²¹. А через несколько дней в томской газете была опубликована статья Бела Куна, в которой венгерский революционер писал, что революция в России — самый ценный подарок человечеству, что «рабочий класс страны твердо держит все в своих руках»²².

В Черемхове в первомайском празднике вместе с русскими и китайскими шахтерами, а также крестьянами, прибывшими из далеких заимок, участвовали и военнопленные. И здесь речи о международном братстве пользовались огромным успехом. На митинге в Красноярске от имени военнопленных выступил австриец Р. Мартин. Поздравив присутствующих со свержением царизма и поблагодарив за предоставленную военнопленным возможность участвовать в празднике, он отметил, что события в России являются поворотным моментом во всемирной истории и призвал как можно энергичнее бороться за мир²³.

Вечером в Ачинском лагере состоялся митинг военнопленных, на котором выступали представитель от солдат местного гарнизона и левые социал-демократы от военнопленных — чех Новотный, венгр Швановец, австриец Бериф. Во всех речах звучали гневные протесты против империалистической войны, призывы к революционной борьбе. В тот же день в лагере окончательно сложился социал-демократический комитет военнопленных во главе с Новотным. Вскоре в газете «Красноярский рабочий» было опубликовано письмо Новотного «Нашим русским брать-

¹⁷ «Социал-демократ», Москва, 21 апреля 1917 г.; «Правда», 3 мая 1917 г.

¹⁸ «Установление Советской власти в Ярославской губернии», сб. док. и материалов, Ярославль, 1957, стр. 78—79.

¹⁹ «Уральская правда», Екатеринбург, 22 апреля 1917 г.

²⁰ «Борьба за Советскую власть на Южном Урале (1917—1918 гг.)», сб. док., Челябинск, 1957, стр. 26.

²¹ «Борьба за власть Советов в Томской губернии (1917—1919 гг.)», сб. док. и материалов, 1957, Томск, стр. 41—43.

²² «Новая жизнь», 22 апреля 1917 г.

²³ «Красноярский рабочий», 26 апреля 1917 г.

ям». От имени военнопленных социал-демократов он писал о том, что трудящиеся всего мира долго ждали революцию в России, и теперь когда она началась, революционеры-военнопленные протягивают руку помощи трудящимся России. «Дайте нам возможность работать вместе с вами в ваших социал-демократических организациях,— писал он.— Многим из вас предстоят тяжелые испытания; позвольте нам помочь вам. Мы имеем право на эту просьбу, так как мы принадлежим вам»²⁴.

Участие военнопленных в праздновании 1 Мая в России укрепило интернациональную солидарность трудящихся, содействовало консолидации революционных элементов в среде военнопленных и установлению более прочных связей их с большевистской партией. Докладывая на VII (Апрельской) конференции РСДРП(б) о работе большевистских организаций Урала, Я. М. Свердлов сообщал: «Первомайский праздник прошел великолепно. Поскольку удалось выяснить, товарищи не хотели считаться с постановлением министра Гучкова о воспрещении шествий военнопленных. В первомайских празднествах принимали участие также пленные австрийцы и германцы»²⁵. Делегат от Макеевской организации РСДРП(б) рассказал на конференции, что существовавшие ранее революционные организации военнопленных германцев и австрийцев, насчитывавшие до 100 членов, объединились и вошли в РСДРП(б). Большевики-военнопленные, отметил делегат, намерены вести работу среди трудящихся; в Совете рабочих депутатов решено иметь и представителей от военнопленных²⁶.

В то же время складывались группы военнопленных социал-демократов-интернационалистов в других местах, и некоторые из их членов уже тогда вступали в большевистскую партию. Стремление революционных военнопленных стать членами РСДРП(б) получало понимание со стороны большевистских организаций. Так, 9 мая на общем собрании большевиков в Лысьве было решено, что военнопленные могут вступать в партию при наличии надежных рекомендаций²⁷.

Вскоре после участия революционных военнопленных в Первомайском празднике в Ростове-на-Дону действовавшая в городе группа военнопленных социал-демократов установила сотрудничество с РСДРП(б). В связи с этим газета ростовских большевиков писала: «Первый, кажется, прецедент единения с социал-демократической интернационалистической организацией военнопленных, комитет которых имеет представительство в общем Ростово-Нахичеванском комитете»²⁸. В одном из информационных сообщений в ЦК РСДРП(б) ростовский комитет большевиков рассматривал группу военнопленных социал-демократов как составную часть большевистской организации²⁹.

Весной 1917 г. развернулась широкая борьба пролетариата России за установление для военнопленных одинаковых с русскими рабочими условий труда и зарплаты, что еще более укрепило доверие между трудящимися воюющих держав. По мере назревания социалистической революции военнопленные чаще и чаще принимали участие в стачках, демонстрациях и в других революционных выступлениях; некоторые из них вступали в ряды Красной гвардии.

Таким образом, интернационализм российского рабочего класса и его боевого авангарда — большевистской партии обеспечил со стороны революционных военнопленных поддержку трудящихся России в борьбе за социалистическую революцию.

²⁴ «Красноярский рабочий», 2 мая 1917 г.

²⁵ «Седьмая (Апрельская) Всероссийская конференция РСДРП (большевиков). Апрель 1917 года. Протоколы», М., 1958, стр. 123.

²⁶ Там же, стр. 160.

²⁷ М. П. Хильченко. Указ. соч., стр. 11.

²⁸ «Наше знамя» (Ростов-на-Дону), 11 мая 1917 г.

²⁹ «Борьба за власть Советов на Дону. 1917—1920 гг.», сб. док., Ростов-на-Дону, 1957, стр. 68.